

« ГРУППА АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Александр ТАМОНИКОВ

*РЕЛЬСОВАЯ
ВОЙНА*

ЭКSMO
МОСКВА
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Т 17

Оформление серии *М. Левыкина*

Ранее роман выходил под названием «Эшелон-13»

Т 17 **Тамоников А. А.**
Рельсовая война / Александр Тамоников. — М. :
Эксмо, 2014. — 352 с. — (Спецназ. Группа Анти-
террор).

ISBN 978-5-699-69373-3

Беда грозит русскому городу Черенску. Группа террористов, финансируемая турецким эмиссаром «Аль-Каиды», готовит чудовищный теракт — взрыв железнодорожного состава, перевозящего нефть. Взрыв должен прогреметь в тот момент, когда состав будет проезжать по мосту над рекой. Экологическая катастрофа неминуема... Но совершенно случайно планы террористов нарушаются. Оперативная группа Главного управления по борьбе с терроризмом во время операции на Кавказе уничтожает банду боевиков. И один из пленных во время допроса признается, что его командиры упоминали Черенск и говорили о теракте. Значит, спецов ждет новая операция — на этот раз в России...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-69373-3

© Тамоников А., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Окрестности г. Черенска,
26 июня, четверг*

С 6 часов утра Иван Петрович Розин, разложив удочки, сидел на берегу озера. Водоем Верда располагался в семи километрах от города в лесном массиве, рассекаемом почти пополам высокой насыпью железнодорожных путей. Шестидесятипятилетний Розин, известный в определенных кругах еще и как Дед, следил за поплавками. Сегодня он был на озере один. Рабочий день, народ трудится, он же свое отработал. Уж как и где, это никого не касалось. Солнце поднялось из-за высоких сосен, тепло. Чистый воздух, чистая вода, на воде круги. Играет рыба. Клев должен быть неплохим. Но поплавки стоят неподвижно. Впрочем, рыбалка не являлась главным, ради чего Розин приехал на своей старой «семерке» к загородному, забытому рыбаками и отдыхающими, озеру. Розин не был заядлым рыбаком, хотя с некоторых пор среди соседей и слыл таковым. Он смотрел на поплавки и прислушивался. В лесу пели птицы. Но Ивану Петровичу

до них не было дела. Его интересовало другое. Он кое-чего ждал. А пока следил за поплавками.

Левый красный неожиданно вздрогнул, наклонился и резко ушел под воду. Розин схватил удилище, рванул его в сторону, подсек рыбу. Вскоре выбросил на берег небольшого, с ладонь, карася. Шмыгнув носом, проговорил:

— Есть! Попался, сучонок!

Отцепив карася, опустил его в садок. Насадил червя, забросил удочку на прежнее место.

Слева за озером раздался гудок. По железке шел состав. Электровозы всегда подавали сигнал, начиная движение у переезда, что находился в километре от леса. Закрепив на берегу удилище, Розин достал из кармана ветровки блокнот, карандаш. Спустя несколько минут на насыпи появились два локомотива — значит, состав тянут большой, тяжелый. Что подтвердилось через несколько секунд. По насыпи в сторону моста через реку и далее к Черенску шел поезд, составленный из цистерн. Розин начал считать цистерны. Одна, вторая, десятая... Счет окончил на платформе, замыкающей состав.

— Шестьдесят два!

Взглянув на часы, записал в блокнот:

26. 06-15 — 06-37, цистерны с нефтью — 61, платформа с крупным камнем — 1.

Пролистал блокнот назад. Такой же состав прошел в город на местный нефтезавод, самое крупное промышленное предприятие Черенска, 19-го числа. А до этого — 12 июня. Значит, нефть поступает на завод раз в неделю. Впрочем,

раньше составы могли ходить и чаще, но раньше Розина они совершенно не интересовали. Как и эта рыбалка на озере Верда.

Иван Петрович спрятал блокнот, достал пачку «Примы». Закурил, жадно затягиваясь терпким дымом. Вытащил еще пару карасей. Клев как неожиданно начался, так неожиданно и прекратился. Перекурив, Розин прилег на траву. Задремал. Встрепенулся, когда услышал еще один гудок. Сел, посмотрел на поплавки. Правого видно не было. Подумал, наверное, к осоке прибило. Со стороны железнодорожного полотна поднялся несильный ветер. Он волной мог прибить поплавок к берегу, мелко здесь, всего около метра. Но если прибил один, то почему на месте стоит второй?

Кашлянув, Розин поднял удилище и почувствовал — на крючке рыба. Но тут появился состав. Пришлось бросать рыбалку, доставать блокнот, карандаш и вновь считать. На этот раз вагоны, цистерны, платформы. Проводив состав взглядом, почесал затылок, записал в блокноте: 09-50 — 10-08, смешанный, вагонов — 19, платформ — 8, цистерн — 6. Итого — 33. Положил блокнот с карандашом на место, вернулся к ловле. Думал, вытащит хорошего карася, но вытянул только обрывок лески. Выругался.

— Твою мать! Сорвался, шельмец! — неожиданно сзади раздался голос молодого человека. Так неожиданно, что Розин вздрогнул.

— Привет, Петрович! Смотрю, проворонил рыбку?

Иван Петрович обернулся. Увидел соседа, Василия Воронова, которого все на улице звали Грыжей. Когда-то у Воронова была эта болезнь; грыжу удалили, прозвище осталось. Воронов нигде постоянно не работал, сидел у жены на шее. А та на двух работах гнулась. Что совершенно не волновало Василия. Супругу Зинаиду он привез из глухой мордовской деревни, в дом, который ему оставил в наследство покойный отец. Родители тридцатилетнего оболтуса умерли рано: мать — еще при родах Василия, отец — лет пять назад. Сгорел от пьянки. Детей у Вороновых не было, и то, что зарабатывала Зинаида, двоим на жизнь хватало. На жизнь скудную, конечно, но Воронову особо ничего и не надо было. Хватило бы на сахар с дрожжами, чтобы замешать брагу, да на жратву, что с огорода не возьмешь. Зинаида как-то заикнулась о том, чтобы Вася нашел себе работу; Воронов осадил благоверную, посоветовал ей закрыть рот и не вякать, иначе отправит ее обратно в деревню, коров доить. Зинаида, женщина забитая, замолчала. А Грыжа в тот же день напился до чертиков и под вечер избил жену. Бил во дворе, и это видел Розин, вышедший на крики. Бил Воронов жену жестоко, остервенело, ногами, опрокинув на землю. Бил до тех пор, пока не устал. Затем сплюнул на избитую спутницу жизни и, шатаясь, прошел в дом. А Зинаида доползла до сарая; там и отлеживалась, зализывая раны, как собака. Вот так жили соседи Розина, и таким был Вася Воронов, эгоист и тунеядец. Единственное, что представляло для не-

го интерес кроме пьянки, так это рыбалка. Вот он был настоящим заядлым рыбаком, поэтому и объявился у озера.

— Так чего молчишь, Петрович? Проворонил карася, спрашиваю?

— Тебе-то какое дело?

— Да никакого, в общем. Но странный ты рыбак какой-то! И вообще в последнее время словно сам не свой по двору да огороду шарахаешься. Дочь опять, что ли, с катушек слетела?

— Не твое дело.

— Ясный перец! У каждого своя жизнь. Моя Зинка вон снова вчерась учудила! Прикидываешь, Петрович, она мне работу сторожем на фирме, где уборщицей пашет, подыскала. Ангары по ночам какие-то через сутки охранять. А на кой черт они мне сдались, эти ангары, да и она с фирмой своей? За копейки горбатиться?

Розин усмехнулся:

— Это сторожем-то горбиться? Пришел, отсидел свое в сторожке, ушел. Деньгу, конечно, не срубишь, но все добавка. Зинка-то отошала со всем, кормить тебя, борова.

— А я, между прочим, не заставляю ее. Может не работать. Пусть манатки собирает и в деревню свою валит. Надоела хуже горькой редьки. Я без стакана с ней в кровать не ложусь. За что ни схватишь, одни мослы. А напротив какая краля живет, а, Петрович? Вот баба так баба. И посмотреть есть на что, и при «бобах»!

— Ты о продавщице, Зойке?

— О ком же еще? Вот к кому прибиться! И на-

поит и накормит, да и фигура что надо. У нее не задница, а два арбуза; про грудь не говорю, размер шестой, не меньше.

— Да, Зойка — баба огонь. Вот только на хрена ты ей нужен?

— Кто знает, может, на что и сгожусь. Надо к Зойке как-нибудь подкатить, пока конкурент не объявился. Глядишь, и выгорит дело.

— Подкати. Но Зинку не забивай!

— Да пошла она! В деревне не пропадет. А через нее жизнь себе ломать не собираюсь. Все одно, не сейчас, так позже выгоню. Другую найду, если Зойка не клюнет.

— Твое дело.

— Ясный перец! Только, Петрович, без обиды, чья б корова мычала!

Розин насторожился:

— О чем ты?

— О твоей жене, Людмиле Васильевне, царство ей небесное! Ведь это ты ее того!

— Что значит того?

— А то и того, ты ее замочил. Сейчас об этом помалкивают, а десять лет назад много судачили и никто не сомневался в твоей виновности! И народ удивлялся, как это тебе удалось отвертеться. Помню, покойница баба Маша говорила, что видела, как ты супругу свою ненаглядную обухом по голове на крыльце саданул.

Розин повысил голос:

— Ты говори, да не заговаривайся! Людка сама со ступеней слетела да головой о колун.

— Ну, ясный перец! Конечно, сама.

— Вот и не болтай незнамо что!

— Да ладно, Петрович, мне без разницы, ты женушку на тот свет отправил или она сама уби-лась. Ты мне лучше скажи, чегой-то ты в блок-нот писал, бросив удочку? Как товарняк по же-лезке прошел? Иль в шпионы подался? В кино видел, один тоже вагоны считал. А потом состав под откос. Не помню, как фильм называется. Старый. Давно смотрел.

Розин растерялся. Но сумел быстро взять себя в руки:

— Ты как встал, опохмелился?

— Еще бы! Без стакана не ложусь и не встаю.

— Вот и допился до глюков. Какой блокнот? Привиделось тебе!

— Ага! Да я ж рядом был.

— Ты сам подумай, на хрена мне чего-то пи-сать на рыбалке?

— А с рыбалкой, между прочим, тоже стран-ность вырисовывается. То ты к воде близко не подходил, а то вдруг каждый день стал на озере торчать. И в любую погоду.

— Тебе, Грыжа, надо к психиатру обратиться. Пока не поздно. Смотрю, с головой у тебя непо-рядок.

— Чегой-то?

— Товой-то! То тебе блокнот мерещится, то удивляешься, почему человек рыбалкой увлекся. О шпионах каких-то говоришь. Скоро допьешь-ся до того, что не ты Зинку из дома выгонишь, а она тебя в дурку определит.

Воронов сплюнул на траву:

— Ты дочку свою, Алису, лечи! У нее быстрее от наркоты крышу снесет. И у пацана, что вьется возле нее, тоже. Иль ты думаешь, я не знаю о халале Алисы? Парочка образовалась под статью друг другу.

Розин побледнел:

— Ах ты, шнырь поганый, да я тебя за такой базар...

Воронов, будучи мужиком трусливым, сдал назад:

— Ну, ладно, ладно, Петрович! Закрыли тему. Ты в мою жизнь не лезешь, я в твою. Все ж соседи...

— Таких соседей знаешь куда посылают?..

— Все! У меня пузырек с собой, выпьем мировую, мне с тобой ссориться резону нет! А если чего ляпнул по дурости, извини, не со зла, а по глупости. Зинка, сука, виновата, из-за нее точно в дурдом загреметь можно. Но и ты хорош — опустил ниже плинтуса, жизни учить надумал... Ну, что, по граммულке за мирное сосуществование?

— Я за рулем.

— Где он, этот руль? На опушке? Я и зашел-то сюда, увидев твой «жигуль». На пруд шел, там на перловку карп брать должен, а увидев тачку, решил проведать соседа. Вот и проведаль.

— Пить не буду. Шел на пруд, так и иди с богом. Извинения мне твои не нужны, но предупреждаю: станешь и дальше на людях нести око-лесицу, не взыщи. Рот закрою быстро. Не смот-

ри, что мне седьмой десяток. Спрошу по полной программе. Понял?

— Понял, понял! Я ж не козел... Это с тобой по душам поговорили, а с другими — ни-ни! Моя хата с краю.

— Вот это правильно! Ступай.

Воронов пошел в лес, на дорогу, ведущую к пруду, что находился рядом с заброшенным карьером.

Розин, проводив соседа, присел на траву. И принесла тебя, дурака, нелегкая. И надо же, как раз в тот момент, когда блокнот заполнял. Грыжа видел это. А Вампир предупреждал, чтобы работал аккуратно, без свидетелей. Вот и отработал. Чего теперь делать? Рассказать Вампиру о разговоре с Грыжей? Или смолчать? Но будет ли молчать Воронов? То, что он обещал, — пустое. Балабол похлеще любой бабы. А расскажешь Вампиру, неизвестно, как он себя поведет. Но взорвется точно. И бабок не заплатит. Может в морду дать. Если же промолчать, то поначалу пронесет. Но потом хуже будет. Разговорится Грыжа, Вампир узнает. И тогда уже спрос серьезный устроит. Что делать? А если самому снять проблему? Этот придурок, Грыжа, каждый вечер постоянно пьяный по улице шатается. С соседями собачится, этому много свидетелей. Жену бьет до полусмерти. И это тоже многие знают. Так что, если...

Размышления Розина прервал звонок мобильного телефона. Петрович подумал, что звонит дочь, кому еще в это время?

— Да, Алиса?

Но услышал в динамике грубый мужской голос:

— Это я, Дед!

— Ты? Откуда?

— Из города. Ты сейчас где?

— На озере. Собирался сворачиваться.

— Правильно. Собирай манатки — и домой!

Алиса тоже чтоб была на хате.

— Она собиралась к подруге, — солгал Розин. — Наверное, уже уехала.

— Найди дочь, пусть едет домой, приводит себя в порядок.

— А что случилось, Вели?

— Ближе к полуночи ждем Вампира. У тебя есть время и дочь найти, и к встрече гостя приготовиться!

— Вот как? Я понял. Встречу как положено.

— Он позвонит перед прибытием.

— Понял! Ты тоже подъедешь?

— Не знаю. Все! Если что, звони по известному тебе номеру.

Вели, как назвал звонившего мужчину Розин, отключил телефон. То же самое сделал и Иван Петрович. Но собираться не спешил. Мысли вернули его в прошлое, когда Розин познакомился с Вели Кубаевым, а затем и Вампиром, Анатолием Кучериным, и это знакомство перевернуло всю его жизнь. Впрочем, он сам ее перевернул немногим раньше.

Женился Розин относительно поздно — в 38 лет. В жены взял женщину на девять лет моложе

себя. Они вместе работали на хлопчатобумажном комбинате — он мастером, она нормировщицей. Взял Людмилу несмотря на то, что за ней закрепилась слава дамы легкого поведения. Она дважды в свои 29 лет побывала замужем, ни с одним из мужей и двух лет не прожила. Очень уж любила мужиков, погулять на стороне была не прочь. Но Розин полюбил ее. Да и Людмила вроде как остепенилась. На слухи же Иван Петрович не обращал внимания. А напрасно. Впрочем, он понял это позже, когда уже и Алиса родилась, и дом на улице Тихой в Южном микрорайоне Розин приобрел, и машиной обзавелся.

В девяностых годах комбинат прикрыли, но Розина взял к себе бывший начальник производства, быстро сориентировавшийся в ситуации и организовавший малое предприятие по переработке леса, благо вокруг Черенска этого леса завались. Розин стал заместителем генерального директора. Уже тогда они с начальником вагонами отправляли «левую» древесину на Кавказ. Розин стал богатеть. Старый дом снес, поставил новый, двухэтажный. Людмилу пристроил на рынок, где открыл собственные точки по продаже хозяйственных товаров. И казалось, жизнь наконец-то наладилась. Но ненадолго.

Розину по работе часто приходилось мотаться по командировкам. Вот и в тот злополучный день, 16 мая, десять лет назад, он выехал на своей машине в Вологду. Проехал тридцать километров, полетела коробка передач на «Москвиче», на котором он в то время ездил. Пришлось